

Ключевые слова: государственная граница, социальный институт, таможня, евроинтеграция.

Khobta S. V. Ukraine's state border as sociological problem: actors, interests, institutionalization

The article considers Ukraine's state border as a social institution, here highlighted problems of its institutionalization and analyzed actors that influence border's functioning. It is shown that upon obtaining independence of Ukraine, institute of the state border gained new institutional characteristics and advanced its socio-economic importance. Contradiction typical to other institutions of Ukraine appears in the functioning of the border as a social institution. This institute which is designed to achieve collective goods (safety and protection of the economic interests), is used for private purposes by the different actors involved in its functioning. Besides this, the institutionalization of the state border is taking place under the influence of Ukraine's efforts to join the European Union.

Key words: state border, a social institution, customs, EU integration.

Стаття надійшла до редакції 27. 04. 2012 р.

Прийнято до друку 24. 05. 2012 р.

протоколом № 10.

Рецензент – д. соц. н, професор

Кононов І. Ф.

УДК 316.334.2/3:339.13](476) „199/200”

Адуло Т. И.

**ФОРМИРОВАНИЕ РЫНОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ
В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ**

Загадочна и непредсказуема человеческая история. Пред нашим взором она предстаёт в своих уникальных, неповторимых, неожиданных и, на первый взгляд, необъяснимых поворотах, хотя её поступь неумолима и подчинена своим неотвратимым законам. Подлинные причины волн всплеска и падения социальной активности до сих пор остаются загадкой, хотя на их выяснение немало усилий затрачено философами и социологами. Подобного рода целенаправленная социальная активность вспыхнула на огромном евроазиатском пространстве в 1980-е годы. Народы восточноевропейских государств, а, вслед за ними, и граждане СССР, захотели свободы. И не просто свободы, а свободы абсолютной. Сейчас, по прошествии значительного времени с момента начала тех эпохальных событий, можно более

основательно подойти к выяснению их причин и их последствий. Для подобного рода анализа к настоящему времени сформирована внушительная эмпирическая база, да и сами последствия той эпохи видны без всякого микроскопа.

Прежде всего, важно уяснить, была ли историческая необходимость в столь масштабных социальных преобразованиях? Ответ, наш взгляд, очевиден. Не только СССР, но и мир в целом в 80-е годы прошлого века нуждался в преобразованиях. Но в преобразованиях осмысленных, взвешенных, постепенных и, главное, гуманных, осуществляемых на паритетных началах как Востоком, так и Западом на благо человека. Почему мир не мог существовать и дальше так, как он существовал до той поры? Проблема видится вот в чем. В международном плане главное противоречие той исторической эпохи – противоречие между двумя противоположными социальными системами достигло своего предела. Оно неотвратимо вело мир к дальнейшему обострению других противоречий, а, следовательно, к социальному взрыву, вернее, к катастрофе. Третья мировая война, которую до сих пор предрекают аналитики, началась в виде «холодной войны» еще в далёком 1947, а, возможно, даже в 1945 году – с момента атомной бомбардировки авиацией США японских городов Хиросимы и Нагасаки. Идеологическое, экономическое, военно-политическое, культурно-духовное противостояние двух полярных систем, цивилизаций, возглавляемых двумя сверхдержавами – США и СССР, не могло длиться бесконечно. Поскольку в условиях паритета оборонных потенциалов военный способ разрешения глубинного противоречия между двумя системами был невозможен, то складывалась ситуация, когда какая-то из систем должна была осознанно пойти на уступки своему оппоненту. Или же обе противоположности должны были, взаимно уступая, друг другу, прийти к компромиссу. Это следовало сделать, чтобы остановить объективное и с каждым часом всё более нарастающее противостояние государств и цивилизаций, ежедневно и ежечасно отвлекавшее их материальные и интеллектуальные ресурсы от созидательного труда в гуманных целях и выбрасывающее на ветер миллиарды долларов и рублей на разработку средств уничтожения противника. История распорядилась так, что именно СССР, безоговорочно принял условия США. Точнее, этот выбор сделала не безликая мировая история, а политическое руководство СССР в лице Политбюро ЦК КПСС, и именно оно несет ответственность за исторический развал великой страны и страшные последствия этого развала для миллионов людей. Здесь мы не касаемся конкретных персоналий.

Политическое руководство СССР, возможно, в силу своей близорукости, поверило в искренность партнеров по переговорам – Р. Рейгана, Г. Коля, М. Тэтчер и других руководителей западных государств, поверило в возможность построения нового – большого, гостеприимного «общеевропейского дома», совместное проживание в

котором станет комфортным и уютным. Возможно, отдельные руководители СССР свои прямые обязанности, хлопотные дела великого государства и судьбу его граждан предпочли передоверить своим новым западным «коллегам», «партнерам», «друзьям» – к такому выводу склоняются отдельные исследователи. Во всяком случае, выстраиваемый совместными усилиями политиков ведущих мировых держав дом не представлялся ни им самим, ни, тем более, гражданам СССР, советской коммуналкой 1930-х годов. Но, как оказалось вскоре, в теоретическом плане этот дом был не осмысленным, не обретшим четких контуров: для миллионов честных людей он оказался во много раз хуже коммуналки. В своё время конфигурацию общего мирового дома представил Дж. Гэлбрейт в виде теории «единого индустриального общества». Концепция американского экономиста предлагала мировому сообществу «паритетные» условия: она предполагала взять лучшие стороны от социалистической и капиталистической систем и создать что-то принципиально новое. Безусловно, это была утопия, но утопия гуманная.

Строительство нового дома – дело непростое, требующее хлопот и финансовых затрат. Поэтому вскоре отказались от этой трудоёмкой затеи – советское руководство предпочло «войти» в уже построенный Западом дом, т. е. решило жить по законам капиталистического мира. Но в чужой дом не вселяются со своим уставом. Политические «друзья» и западный мир лишь внешне выглядели приветливыми и сговорчивыми. На деле по отношению к своему историческому конкуренту, пошедшему на все возможные и даже невозможные уступки, они не проявили ни жалости, ни снисходительности. Мощнейший корабль в одночасье, волевым путём стали разворачивать на 180 градусов – от общенародной к частной собственности, от коллективизма к индивидуализму, от планового хозяйства к рыночному саморегулированию, от формационной теории К. Маркса к цивилизационным моделям общественного развития. В максимально сжатые сроки, отведённые Западом для преобразования страны, предстояло сделать многое. Самые резвые стратеги отвели на обустройство нового дома, вернее, на вхождение в европейский дом, всего «500 дней». И сразу же под диктовку зарубежных консультантов принялись за масштабную работу – расчистку, вернее, разрушение до основания старого здания.

Для идеологической переориентации общественного сознания, его обработки в соответствующем направлении был задействован идеологический аппарат КПСС – единственной политической партии государства. Тираж только одной газеты «Аргументы и факты» составлял 33,5 млн. экземпляров. Её главный редактор В. Старков в своём интервью 5 марта 1990 года отмечал: «Тираж «Аргументов и фактов» таков, что по влиянию он сравним сейчас только с телевидением. И то – на экране мелькают таблицы, где в цифрах показан уровень жизни СССР; кто-то это увидел, кто-то нет. Люди берут в руки «АиФ» и читают, что по одному показателю мы на 47-м месте в мире, по

другому – на 59-м. И это уже документ» [1, с. 431]. А ещё были газета «Известия», журнал «Огонек». О том, как конкретно разрушалась идеология и обеспечивающие её функционирование институты, изданы горы литературы не только в России, но и на Западе. Надо отметить и то, что демонтаж политической власти, идеологии и страны реализовывался по конкретному плану с использованием новейших политических технологий, о чём тоже много сказано на основе документальных источников.

Главной идеологической доктриной, т. е. теоретическим оружием формирующегося нового социального класса – класса капиталистов, – стала либеральная идеология [2]. Именно она возвращала бунтарей, отчаянных борцов, готовых не только митинговать, но и штурмовать правительственные учреждения. Всё это вело общество к социальному разложению. Наряду с идеологией либерализма в тот исторический период была задействована и идеология национализма. Разжигание межнациональной розни и доведение ее до межнациональных конфликтов практиковалось не только на Кавказе, но и в других регионах страны. Разрушались сложившиеся на протяжении веков нравственные устои и традиции, взамен приходили антисоциальные инстинкты и образцы поведения. Идеология свободы, оппозиции по отношению к существующим институтам власти постепенно обретала прочную почву. Её субъектом стали интеллигенция и молодежь, для которой лозунг безграничной свободы особенно привлекателен, поскольку освобождает ее от внутреннего и внешнего цензоров, требующих соблюдения принятых сообществом социальных норм и принципов, в том числе моральных. Помимо этого, как отмечал в своё время известный французский психолог, социолог и историк Гюстав Лебон, и с ним можно согласиться, «для молодёжи, всегда жаждущей независимости, полная оппозиция принятым идеям представляет собою доступную для неё форму проявлять свою оригинальность» [3, с. 108–109]. С конца 1980-х годов всё огромное пространство СССР стало ареной митинговых страстей и массовых выступлений – ареной серьезнейших баталий. Идеология свободы при этом выступала не в чисто классическом виде: она была модифицирована применительно к советской стране, и в первую очередь сориентирована на решительное отрицание всего того, что было создано за годы советской власти, – науки, искусства, литературы и даже победы над фашистской Германией. Всё это было представлено продуктом «тоталитаризма», а потому не пригодным для будущих гуманных государств, выстраиваемых на постсоветском пространстве на основе принципов и ценностей «цивилизованного» Запада. И, кроме того, идеология свободы была дополнена идеями анархизма, экстремизма и других политических движений радикального толка. Следовательно, идеология свободы выступала в качестве коренной лошади в упряжке «перестройки», в качестве же пристяжных фигурировали национализм и анархизм.

Что в результате получилось? Реализованный курс «перестройки» стал итогом многолетней борьбы двух противоположных социальных систем и зафиксировал факт поражения одной из них – советской модели социализма. «Перестройка» разрушила старое здание, но не создала позитивного нового ни в экономике, ни в культуре, ни в управлении. Как отмечал А. А. Зиновьев, «Вместо разрушенной коммунистической политической системы возникла не демократическая форма власти западного образца, а лишь ее карикатурная имитация» [4, с. 523].

Юридически в 1991 году Республика Беларусь стала самостоятельным, суверенным государством, субъектом международного права. В ближайшие годы предстояло обрести фактическую самостоятельность, занять свое место в мировом сообществе. Решение этой задачи было не столь простым, как это казалось многим политикам той эпохи. Наследие, доставшееся Беларуси от СССР в 1991 году, оказалось не то, чтобы скромным, оно было удручающим: экономика, политическая и духовная сферы оказались полностью разбалансированными. Предстояло искать пути спасения нации. Главная задача состояла в том, чтобы обуздать стихию, активизировать граждан на созидательную работу. Нужен был эффективный инструмент для консолидации нации. Таким инструментом способна была стать устойчивая, здоровая экономика. Но суть проблемы состояла в том, что прежняя экономика уже не работала, а новая экономика не только не была сформирована, но и не определена по существу, т. е. теоретически – ее лишь проектировали.

Вполне закономерно, как и в других странах, образовавшихся в результате распада СССР, так и в Беларуси экономика в 1990-е годы всё более деградировала. Приведу лишь некоторые цифры. Основные макроэкономические показатели Республики Беларусь в 1995 г. по отношению к 1991 г. (не самому благополучному) составили (в процентах): ВВП – 65,3, продукция промышленности – 61,4, продукция сельского хозяйства – 73,6, реальные денежные доходы населения – 62,2, инвестиции в основной капитал – 38,5, индекс роста потребительских цен – 43,9 тыс. раз [5, с. 410]. В дальнейшем темпы падения промышленного и сельскохозяйственного производства хотя и замедлились, но всё-таки продолжались. Например, в 1998 г. по сравнению с 1990 г. производство основных видов промышленной продукции снизилось: грузовых автомобилей – в 3,4 раза, тракторов – в 3,7 раза, электродвигателей – в 3,6 раза, химических волокон – в 2,3 раза, металлорежущих станков – в 2,9 раза, кормоуборочных комбайнов – в 20,2 раза, подшипников – в 4,5 раза, лифтов – в 5,0 раз, промышленных швейных машин – в 11,0 раз [6, с. 106–108].

Одна из ключевых проблем белорусского общества 1990-х годов – проблема адаптации к радикально изменившейся среде, в первую очередь к новым политическим и экономическим отношениям, выстраивающимся тем же командно-административным путём сверху.

Например, в ту эпоху предложили в качестве основного и едва ли не единственного инструмента преобразования экономики в рыночном направлении т. н. «шоковую терапию». Результаты «шоковой терапии» оказались плачевными [7, с. 73–78]. И дело не только в масштабном падении производства, резкой поляризации общества, о чём постоянно напоминали аналитики, но и в дискредитации рынка, пессимизме как доминанте общественной атмосферы. Граждане всё более и более разуверялись в правильности избранного и навязываемого «верхами» курса. Уже в начале 1990-х годов такой позиции придерживались отдельные политики, ученые, деятели культуры и искусства. В Беларуси отношение граждан к реформированию национальной экономики в рыночном направлении также проявлялось неоднозначно: рыночный курс то поддерживали, то резко осуждали, то вновь поддерживали. Такая же картина наблюдалась и у наших соседей.

Общество с рыночной экономикой традиционно называют капитализмом. В XX в. термин «капитализм» потерял былую привлекательность. Да и сам капитализм в результате экономических кризисов, особенно Великого экономического кризиса конца 20-х – начала 30-х годов XX века, а также активной борьбы наёмных работников за свои права заметно изменился, в некоторых странах, например, в Швеции, Германии приобрел человеческое лицо. Поэтому применительно к современному западному обществу чаще используют термины «открытое общество», «постиндустриальное общество» и др. Известный же финансист Дж. Сорос его по-прежнему определяет как «глобальную капиталистическую систему» [8, с. 6–7].

В целом, в стратегическом плане Беларусь, как и наши соседи, вступила на проторенный Европой и Америкой путь, что нашло отражение в конституции государства. И все-таки, несмотря на неподвластную человеческой воле поступь истории, каждая отдельная составляющая социума – этнос, нация, государство – уникальны и неповторимы. Вот и Беларусь в середине 1990-х годов была по-своему уникальна. Но её уникальность состояла отнюдь не в попытке изобретения того, чего мир еще не знал, не в попытке повернуть ход истории вспять, а в *конкретном способе* достижения чётко поставленной на ближайшую и отдаленную перспективу цели – построения суверенного (в подлинном смысле этого слова), т. е. экономически и политически самодостаточного, высокоразвитого в научно-техническом и культурном плане государства, обеспечивающего достойную жизнь и необходимую защиту своим гражданам.

В чём своеобразие тактики достижения поставленной столь масштабной цели? Формирование рынка – длительный и непростой процесс. На рыночном пути, особенно на самом первом этапе, предполагающем накопление и концентрацию капитала, в том числе частного, общество подстерегают различные опасности, способные вызвать хаос, смуту, серьезные потрясения, откат назад. Опасность

первых шагов рыночных преобразований у нас была значительно сильнее по сравнению с Западом. И вот почему. Запад формировал рынок на протяжении нескольких веков – медленно, постепенно, никуда не сворачивая, т. е. как шел раньше, так идёт и сейчас в том же направлении, вырабатывая при этом, безусловно, новые и совершенствуя уже сложившиеся соответствующие институты и механизмы регулирования социальных отношений. Беларусь же, только вступив в XIX веке на капиталистический путь развития, в 1917 году свернула с него, избрала, как и другие нации, ставшие союзными республиками Советского Союза, иную социальную модель. Поэтому задачи, которые стоят перед рыночным Западом и перед нами, – совершенно разные. Запад решает задачу совершенствования рыночного механизма с учётом бурно изменяющихся на рубеже XX – XXI вв. обстоятельств. Он хочет не только сохранить, но и значительно упрочить свой статус-кво, в том числе за счёт благополучия граждан других государств. Нам же предстояло одновременно решать несколько сложнее задач – перейти от жестко централизованной к рыночной экономике, т. е. сформировать, фактически с нуля, рыночный механизм, с максимально малыми потерями вписаться в мировую систему хозяйствования, отыскать свою нишу, обеспечить при этом достойный уровень жизни гражданам. Вот почему был нужен очень взвешенный, глубоко осмысленный подход к решению задач по реформированию наших общественных устоев, вот почему нужна была идеология государства, понимаемая как программа практических действий [9, с. 53–73].

На этом пути в начале 1990-х годов были допущены серьёзные ошибки. Ступени ускоренного либерального рыночного реформирования – отказ от регулирующей роли государства, свободные цены, гиперинфляция, акционирование, чековую приватизацию и т. п. – прошла и Беларусь. Только с середины 1990-х годов реформы в нашем государстве стали обретать осмысленный облик.

Главное отличие избранного курса, т. е. «белорусской модели» социально-экономического развития страны состояло в том, что, во-первых, этот курс проводился взвешенно, постепенно и был рассчитан на длительный срок, благодаря чему государство избежало серьёзных социальных потрясений на первом – самом ответственном этапе реформирования общественных устоев белорусской нации. Во-вторых, проводимые реформы постоянно сверялись с практикой жизни и при необходимости корректировались. В-третьих, реформы со второй половины 1990-х годов проводились не ради реформ, а с целью улучшения жизни наших граждан. По этой причине осуществляемый в стране социально-экономический курс был более продуктивен и *более человечен* по сравнению с курсом «шоковой терапии».

В тот исторический период, нередко и сейчас, особенно на уровне обыденного сознания, западное общество представляют обществом без проблем. На самом деле, и на Западе не всё так благополучно. Есть там

безработица, коррупция, преступность, жесткая конкуренция, экономические спады, падение котировок акций, огромные психологические нагрузки, связанные с постоянным риском реализации бизнес-проектов и т. п. В этой связи возникал соблазн взять от рыночной экономики лишь лучшие стороны, а от плохих сторон – наотрез отказаться. Конечно, от некоторых принципов рыночной экономики решительно отказывались. На то и существует государственная политика. Например, мы установили более жёсткий допустимый предел уровня безработицы, сформировали строгие социальные стандарты и т. д. Но мы же берём на вооружение саму систему хозяйствования. Что-то можно от неё отсечь, но всё равно её сущность останется. Если мы признали частную собственность, конкуренцию, то, естественно, в нашем обществе формируются различные по своему имущественному положению социальные слои – богатые (собственники) и не богатые люди (не собственники), вынужденные устраиваться на работу по найму, есть процветающие и разоряющиеся предприятия, реальностью становится безработица. Это те рычаги, которые-то определяют и обеспечивают функционирование рыночной экономики, в отличие от командно-административной системы, где все, или почти все регулирующие функции, брало на себя государство.

С другой стороны, мы берём лишь саму систему рыночной экономики. Любая система приобретает национальные особенности. Это касается и рыночного типа хозяйствования. Попытка полностью скопировать экономическую или политическую модель у других государств не даст позитивного результата. При переориентации на новый тип экономических отношений надо исходить из своей истории, строить здание на национальном фундаменте. Рыночная экономика предполагает значительное ослабление регулирующей роли государства. Но это «ослабление», опять же, должно осуществляться, как представляется, постепенно, с учетом конкретной ситуации. Прежде чем снижать регулирующую роль государства, целесообразно сформировать у граждан соответствующий уровень правовой и нравственной культуры, привить им чувство ответственности.

Неприятие многими гражданами Беларуси радикальных рыночных преобразований было связано отчасти с теми существенными изменениями, которые происходили в сфере образования и культуры, а также социальной сфере. Общество привыкло к бесплатному образованию, медицинскому обслуживанию, государственному обеспечению жильём, гарантированному государством трудоустройству, социально-обеспеченной старости и другим социальным гарантиям. Но всё больше социальных услуг становилось платными – образование, медицина и др. Негативное отношение к рыночной экономике обуславливалось и психологическим фактором трудоустройства в частную фирму. На государственном предприятии, по отношению к нанимателю (государству), и его директор, и простые рабочие находятся

в равных условиях. И один, и другие – работники. В частной фирме – иные отношения: один выступает как работодатель, хозяин, собственник, другой – лишь наёмный работник, не более. И не всегда между нанимателем и наёмным работником складываются нормальные и, тем более, доверительные отношения. Одной из причин неприятия рыночных реформ стало резкое снижение нравственных устоев общества, вызванное именно этими реформами. С одной стороны, мы ещё исповедовали такие нравственные нормы, как коллективизм, общественное благо, взаимопомощь, милосердие, сострадание и др. С другой стороны, мы постепенно изменялись, в нас самих в большей мере стали проявляться индивидуализм, расчётливость, стремление к накопительству. От этих «рыночных ценностей» обществу не отгородиться, хотя они не всем нравятся. Революционная ломка сложившихся устоев породила такие негативные явления, как жестокость, насилие, противостояние и др. Ведь речь шла о той социальной роли, обладателем которой станет каждый отдельный индивид в рыночном мире. И не многие, особенно из молодежи, желали оказаться в роли наёмного работника. Большинство хотели стать собственниками, работодателями. Эту потребность «стать собственником» культивировали СМИ. За место «под солнцем» и велась ожесточённая борьба в процессе рыночных реформ. В революционные периоды человеческой истории духовность отходит на задний план, уступая место бездуховности. Именно с её проявлениями мы все чаще сталкивались в 1990-е годы.

Прочная экономическая основа – важнейший, но не единственный фактор социальной консолидации общества. Социальная консолидация не мыслима при отсутствии политического согласия в обществе. В этом плане можно говорить о политической стабильности, или же, наоборот, о политической нестабильности государства. В 1990-е годы политическая жизнь в Беларуси, как и в других государствах, образовавшихся в результате распада СССР, была динамичной, характеризовалась противостоянием различных политических сил и политическими кризисами. В целом политическую обстановку нельзя было назвать благополучной. Это подтверждали и социологические опросы (см. табл. 1) [10].

Таблица 1

Оценка гражданами республики общественно-политической ситуации (в процентах к числу опрошенных)

Ситуация	1990	1992	1994	1996	1998	2004
Благополучная	5	4	3	2	6	12,0
Спокойная	51	15	14	17	47	64,9
Напряжённая	27	57	65	59	31	16,0
Критическая,	11	9	10	11	6	1,4

взрывоопасная						
Затрудняюсь ответить	6	11	5	9	8	5,7

Основная полемика в тот период развернулась по вопросу о типе будущего общественно-политического строя белорусского государства. По своей идеологической ориентации общество разделилось на сторонников социализма и сторонников рынка (капитализма). Но и внутри этих двух больших полярных социальных групп не было политического единства. Сторонники социализма отстаивали различные концепции социалистического строя – от жёсткого «сталинского» до либерального, предложенного «младореформаторами». Приверженцы рынка, т. е. капитализма, спорили о том, какой из западных моделей политического устройства отдать предпочтение: одни ратовали за германскую модель, другие – за французскую, третьи – за английскую. Парламентарии отправлялись в Европу и тщательно изучали конституции различных государств, существующие системы власти. Вскоре, однако, политические дебаты пошли на убыль. Стало ясно, что даже самые лучшие западные образцы конституций и форм правления совершенно не пригодны для Беларуси – они оказывались на манер пиджака с чужого плеча. Поэтому споры относительно достоинств и преимуществ конституционного устройства западных государств уступили место рутинной кропотливой работе по созданию собственной политической модели.

Уровень полемики между сторонниками и противниками социализма стал постепенно снижаться: социализм становился всё менее привлекательным для белорусских граждан (см. табл. 2).

Таблица 2

**Отношение граждан Беларуси к типу общественного строя
(в процентах к числу опрошенных)**

На Ваш взгляд, какой строй предпочтителен для Беларуси?	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2004 г.
Капитализм	16,8	23,5	25,8	23,5
Социализм	51,7	42,4	42,6	33,1
Другой	30,2	25,7	31,6	43,3

Причин тому несколько. Во-первых, с момента, когда Беларусь окончательно вступила на рыночный путь, закрепив в конституции частную собственность, «многообразие политических институтов, идеологий и мнений» и «приоритет общепризнанных принципов международного права» [11, с. 5–6], прошло много лет. За эти годы сформировался достаточно мощный частный сектор экономики как сегмент национального хозяйственного комплекса – объем продукции,

выпускаемой государственными промышленными предприятиями уменьшался, а объем продукции, производимой частными промышленными предприятиями, наоборот, имел устойчивую тенденцию к увеличению, что свидетельствовало о дальнейшем продвижении Беларуси по рыночному пути (в данном случае мы не касаемся тех нюансов, оттенков трансформаций, которые претерпел рынок в XX веке). Во-вторых, стало взрослым новое поколение людей, которые судят о социализме по публицистике 1990-х годов и школьным учебникам той эпохи, резко критиковавших этот общественный строй. Не читали они ни трудов К. Маркса, ни трудов Г. В. Плеханова. Постигание философии истории – в том числе студентами гуманитарных факультетов – базировалось на изучении работ Н. А. Бердяева, М. Вебера, П. Сорокина, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглера. В-третьих, серьезный удар по марксистской теории и научному социализму в целом нанесли вошедшие в новые «демократические» институты и ставшие их идеологическим оплотом люди, давно отказавшиеся от учения К. Маркса, но по-прежнему причисляющие себя к коммунистам и публично называющие себя таковыми. В-четвертых, падение в общественном мнении идеи социализма связано с активной и целенаправленной идеологической обработкой общественного сознания средствами массовой информации, пропагандирующими ценности и образ жизни современной Западной цивилизации в ущерб Восточной цивилизации, как «архаичной», якобы, только и пригодной для «социалистического эксперимента».

С другой стороны, не очень высоким доверием пользовался у граждан Беларуси и капитализм. В 1996 году ему отдали предпочтение лишь 16,8% респондентов, в 2004 году – 23,5%. Но если учесть тот факт, что в 2004 году только 14% лиц в возрасте до 30 лет отдали предпочтение социализму, а 40% из них – капитализму, то потенциал последнего в общественном сознании белорусов будет возрастать, а потенциал первого, наоборот, снижаться (см. табл. 3).

Таблица 3

Отношение граждан Беларуси различных возрастных групп к типу общественного строя (в процентах к числу опрошенных в 2004 году)

На Ваш взгляд, какой строй предпочтителен для Беларуси?	До 30 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-69 лет	70 лет и старше	Итого
Капитализм	39,6	29,2	21,3	12,4	7,2	19,8	23,5
Социализм	14,6	23,1	26,3	39,7	67,7	60,6	31,1
Другой	45,8	47,6	52,5	47,9	25,1	19,6	43,3

Граждане Беларуси не противники рынка. Но они категорически не приемлют криминальный рынок, «шоковую терапию», предполагающую достижение цели любой ценой, посягательства других

держав на национальные интересы. Вот главная причина столь настороженного отношения граждан Беларуси к частному бизнесу (см. табл. 4).

Таблица 4

**Отношение граждан Беларуси к частному бизнесу
(в процентах к числу опрошенных)**

Доверяете ли Вы частному бизнесу?	1998 г.	2000 г.	2004 г.
Да	20	22	30
Нет	42	41	31
Трудно сказать	35	36	39
Нет ответа	3	1	0

Правда, по сравнению с 1990-ми годами в начале XXI века произошли значительные позитивные подвижки в общественном мнении по отношению к частному бизнесу. В 2004 году ему стали больше доверять, особенно люди в возрасте до 30 лет (40,3%) и в возрасте 30–39 лет (41,4%) – см. табл. 5.

Таблица 5

Отношение граждан Беларуси различных возрастных групп к частному бизнесу (в процентах к числу опрошенных в 2004 году)

Доверяете ли Вы частному бизнесу?	До 30 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-69 лет	70 лет и старше	Итого
Да	40,3	41,4	22,6	23,8	18,2	26,0	30,2
Нет	17,1	28,6	29,6	34,5	47,0	50,6	30,8
Трудно сказать	42,6	30,0	47,8	41,7	34,8	23,4	39,0

Полученные в результате проведенного социологического исследования данные позволили сделать вывод о том, – он, кстати, подтвердился, – что в белорусском обществе ни в ближайшие годы, ни в перспективе не развернется теоретическая дискуссия и тем более – политическое противостояние социальных слоев общества по вопросу «Какой тип общественного устройства – социализм или капитализм – более приемлем для Беларуси?» Скорее всего, и теоретические споры и политические дебаты сконцентрируются на природе, вернее, «облике» самого рынка. Согласно опросам, 43% граждан Беларуси, в том числе 46% граждан в возрасте до 30 лет, не желают ни социализма, ни капитализма, а предпочитают «другой строй». Этот «другой строй» и стал объектом теоретического осмысления и дискуссий во всём мире в последнее десятилетие.

Важно обратить внимание и на то, насколько адекватно воспринимали респонденты понятия «социализм» и «капитализм», какое содержание в них вкладывали. Вполне вероятно, отвечая на вопрос о

предпочтительном для Беларуси общественно-политическом строе, многие люди, особенно молодые, не представляли по существу ни социализма, ни капитализма. О социализме они судили по источникам «из вторых рук», вернее, по публикациям 1990-х годов, представлявших социализм как худший тип общественного устройства. Капитализм представляли, опять же, односторонне, видя лишь его позитивные стороны и совершенно не зная его негативов, так же, как и непростого пути его формирования, а главное – той огромной цены, страданий и лишений миллионных масс, обеспечивавших его историческую поступь. И лишь столкнувшись с «практикой жизни», реальными и очень серьёзными проблемами «рыночного бытия», молодёжь начинает прозревать, смотреть на мир своими собственными глазами и в результате многое переосмысливать. Голосуя за «другой строй», респондент, отказывал в доверии тому социализму, который неимоверными усилиями и жертвами многих поколений советских людей строился в нашей стране, но так и не был построен. Впрочем, еще в 1894 году Ф. Энгельс высказал предположение, что без рабочего движения Запада, без победы современного промышленного пролетариата «сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества» [12, с. 453]. Полагаем, что и капитализм многие, особенно старшее поколение людей, оценивали в 1990-е годы, исходя из неприглядной картины бесконечного процесса «разгосударствления», дележа и «передела» народного достояния, поляризации общества и т. п. негативов той исторической эпохи.

Впрочем, то, что людям, непосредственно не участвующим в самом процессе первоначального накопления капитала, кажется патологией, для самого капиталистического общества, особенно на его ранней ступени, является нормой. Характеризуя буржуазное общество середины XIX века, К. Маркс писал: «Именно в верхах буржуазного общества нездоровые и порочные вождения проявились в той необузданной – на каждом шагу приходящей в столкновение даже с буржуазными законами – форме, в которой порожденное спекуляцией богатство ищет себе удовлетворения сообразно своей природе, так что наслаждение становится распутством, а деньги, грязь и кровь сливаются в один поток» [13, с. 11]. Данная в 1850 году характеристика буржуазного общества без каких-либо изменений вполне применима и к некоторым постсоветским государствам, вступившим на «рыночный путь» в 90-е годы прошлого века.

Система властвования относительно самостоятельна, обладает имманентными связями и отношениями, в силу чего субъект политики способен оказывать на неё определённое воздействие. Логично предположить, что уже на стадии предыстории человечества постепенно формируется система регулятивных детерминант властных отношений, в которой органично соединены и переплетены объективные и

субъективные факторы. Наряду с правовыми нормами к числу важнейших составляющих её элементов можно отнести традиции, религиозные установки и др. Причём, роль того или иного элемента в различные исторические эпохи могла изменяться – возрастать, или же, наоборот, ослабевать. Главной тенденцией было усиление роли правовых норм в регулировании властных отношений. По сути, сформированное государство и предполагает наличие стройной системы правовых актов, регулирующих взаимоотношения между гражданами, а также между гражданами и государством.

Беларусь, как и другие постсоветские государства, формировала законодательную базу в спешном порядке в 90-е годы прошлого века. Тогда ещё не были четко определены ни экономическая стратегия, ни политический курс государства. Говоря по существу, само социальное бытие, не устоявшееся, не определившееся, не проявившее само-себя не позволяло принять стройную систему законов. Именно по этой причине только что принятая парламентом (в тот период – Верховным Советом Республики Беларусь) новая законодательная база буквально на глазах отставала от «практики жизни» и требовала срочной корректировки. Как и в России, регулирующую роль стали выполнять декреты президента. Но «правовая релевантность» негативно воспринималась гражданами, не успевающими «вписываться» в постоянно меняющиеся «правила игры», и в целом отрицательно сказывалась на социально-политической стабильности Беларуси.

Вопрос о «жестких» и «мягких» политических режимах имеет давнюю историю. Реалии таковы: формирование государственности, и в прошлом, и в настоящем, требует концентрации политической власти. В древнем мире единовластие укреплялось как юридически, так и с помощью религии, церкви, нравственности. Закономерно возникает вопрос (собственно, его поставила социальная практика) разумного использования государем неограниченной власти (т. е. в интересах граждан и государства, а не в личных, корыстных целях), выработке необходимых оснований (правовых, нравственных, религиозных и других) и процедур, обеспечивающих «разумность» власти. Необходимые основания «разумности» власти в малой степени закладывались древними в юридические законы, ведь они часто устанавливались лично государем и не регламентировали его волеизъявление. «[Вот] справедливые законы, которые установил Хаммурапи, могучий царь, и [тем самым] давший стране истинное счастье и доброе управление» [14, с. 174], – гласит текст, высеченный когда-то на стеле.

Неудивительно поэтому, что с древнейших времен размышления, дискуссии, теоретические поиски в области права велись вокруг проблемы приоритетности или авторитарного, жестко централизованного (в виде неограниченной власти государя), или демократического (с участием граждан в решении важнейших

государственных проблем) типа политической власти. Ни одна из этих крайних точек зрения не получила всеобщего признания. Активно выступая против монополии на власть, ведущей к тирании, деспотизму, занимаясь активным поиском механизма, ограничивающего единоличную власть и ратуя за активное участие всех граждан (свободных) в решении важнейших политических вопросов (примером такого типа правления может служить демократия в Афинах (V – IV вв. до н.э.), где все общественные вопросы решались на собрании свободных граждан – экклесии), древние мыслители довольно осторожно относились к демократии как типу государственного устройства. И Платон, и Аристотель отнесли демократию к неправильным формам государственного устройства, сравнив ее с охлократией. И дело вовсе не в том, что философы принадлежали к классу имущих. Скорее всего, древние подметили, что государству для существования и более-менее гармоничного развития необходима определенная мера соотносительности свободы и необходимости, т. е. допустимая граница (черта), переступив которую государство либо скатывается на позицию анархии и полной деструкции, перестав быть государством в собственном смысле этого слова (т. е. организованным обществом), либо превращается в жесткую институционализированную машину, управляемую одним лицом – царем, императором, что с неизбежностью приводит к тирании и также негативно сказывается на государстве и на самих гражданах. Ни та, ни другая модели не удовлетворяла древних гуманистов: первая – по причине анархии, вторая – в силу полного подавления воли и духа граждан, их социальной активности.

Опыт и теоретические наработки прошлых эпох важно учитывать и в современной социально-политической практике. Вопрос о «мягких» и «жестких» формах правления активно обсуждался в Беларуси в 1990-е годы. Граждане тогда высказались в пользу централизованной власти, обеспечивающей управляемость государства. Это было важно в тот период – период радикальных общественных трансформаций. Необходимость централизованной власти сохраняется и в наши дни. Во-первых, современная эпоха не только динамична, но и непредсказуема. Мир стал чрезмерно спрессованным, и события, происходящие, казалось бы, очень далеко от границ нашего государства, оказывают на нас, как и на всё мировое экономическое и политическое пространство, непосредственное влияние. Для оперативного и адекватного реагирования на происходящие процессы нужна централизованная власть.

Во-вторых, в Беларуси, в отличие от западных стран и России, до сих пор не сформированы мощные политические партии. Что уже говорить о 1990-х годах. Партии есть, но все они находятся в эмбриональном состоянии и не способны ни бороться за власть, ни, тем более, управлять обществом. И не потому, что кто-то препятствует формированию партий. Просто пока еще не назрела историческая

потребность в политических партиях. Всеми свое время: согласно нашему исследованию, 49,3% респондентов считали, что политические партии не оказывают на политику государства никакого влияния, только 8,7% опрошенных лиц придерживались противоположного мнения.

В 1990-е годы политико-экономическая альтернатива «социализм – капитализм» в общественном сознании белорусов была дополнена цивилизационной альтернативой «Восток – Запад». Более того, порой цивилизационное противостояние в мировоззренческой парадигме белорусской интеллигенции преобладало над политико-экономической, особенно когда решался вопрос о союзном государстве России и Беларуси.

Сторонники «национальной идеи» в ее радикальном варианте были противниками объединения восточных славян на постсоветском пространстве, а поэтому старались дискредитировать саму идею восточнославянской цивилизации, используя для этого целенаправленную подборку соответствующих исторических фактов и их предвзятую интерпретацию.

Граждане Беларуси не поддержали национализм как политическую идеологию. В основной своей массе они отстаивали принципы добрососедства и взаимного уважения. Это подтверждали и социологические опросы населения, которые регулярно проводились Институтом социологии НАН Беларуси, а также реализованное нами в 2004 году социологическое исследование, посвященное проблеме социальной консолидации общества (см. табл. 6).

Таблица 6

Отношение населения к внешнеполитическим стратегическим целям Беларуси (в процентах к числу опрошенных)

Цель	Год	Поддерживаю	Не поддерживаю	Затрудняюсь ответить
1. Независимость Беларуси и сотрудничество в первую очередь с Россией и странами СНГ	1996	66,7	12,6	13,5
	1998	59,3	13,9	21,5
	2004	73,1	11,9	15,1
2. Экономический союз с Россией	1994	79,4	7,1	13,5
	1996	64,9	12,6	12,8
	1998	57,7	17,1	19,1
	2004	72,9	14,4	12,7
3. Объединение с Россией в одно государство	1996	28,3	41,2	18,1
	1998	23,5	44,6	24,4
	2004	29,3	48,1	22,6
4. Возрождение политического	1994	53,5	22,3	24,4

единства бывшего СССР				
5. Независимость Беларуси и сотрудничество в первую очередь с западными странами	1996	40,8	27,1	21,7
	1998	50,1	19,0	25,4
	2004	44,8	34,5	20,6

Это позволило Беларуси избежать военных конфликтов и сохранить в своей стране спокойствие, в отличие от России, Молдовы, Таджикистана и других постсоветских государств.

В данной статье мы рассмотрели лишь первый период реформирования общественных устоев Беларуси и показали, что этот процесс был не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Беларусь, как и её соседи, тоже пережила непростую эпоху, была отброшена на много лет назад в экономическом, образовательном и духовно-культурном плане. Не избежало наше государство серьёзных потерь, связанных с мировым финансово-экономическим кризисом начала XX века, в результате которого пострадали наши традиционные устойчивые рынки сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции – Россия и Украина, а также новые рынки, сформированные в последние годы на Западе. Впрочем, белорусскому государству приходится сталкиваться с реалиями рыночного хозяйства, для которого характерны влёты и падения. Поэтому в последние годы всё активнее ставится задача создания конкурентоспособной, наукоёмкой продукции, собственных товаропроводящих сетей, привлекательных условий для притока в национальную экономику иностранных инвестиций, более органичного соединения имеющегося научного потенциала с производственным комплексом. Надо сказать, что после обвального падения курса белорусского рубля в 2011 году, Беларусь всё же не сорвалась в бездну, прежде всего благодаря государству как важнейшему регулирующему механизму. В первом квартале 2012 года наметилась позитивная тенденция в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства. Так, к соответствующему периоду 2011 г. валовый продукт Республики Беларусь в первом квартале 2012 г. составил 103,0 процента, в том числе: продукция промышленности – 108,3 процента, продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий – 106,1 процента, а важнейший для страны показатель экспорта товаров и услуг достиг за январь – февраль 2012 г. 153,3 процента [15]. Это дает надежду на то, что Беларусь и в дальнейшем сможет успешно решать возникающие свои экономические и политические проблемы в этом динамичном и противоречивом современном мире.

Список использованной литературы

- 1. Старков В.** «...Спасибо за популярность» / В. Старков // Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. – М. : Изд-во «Новости», 1990. – С. 400–431.
- 2. Слово «капиталист»** ни в официальных документах, ни на уровне обыденного сознания не использовалось. Лица, обретшие за столь короткий срок капитал, сначала называли себя предпринимателями, затем, по мере возрастания их личного капитала, стали называть себя бизнесменами. За собственниками огромных капиталов, нажитых нечестным путем, т. е. награбленных, в общественном сознании закрепилось слово «олигархи».
- 3. Лебон Гюстав.** Психология народов и масс / Гюстав Лебон. – СПб. : «Макет», 1995. – 316 с.
- 4. Зиновьев А. А.** Исповедь отщепенца / А. А. Зиновьев. – М. : Вагриус, 2005. – 554 с.
- 5. Национальная экономика Беларуси:** учебник для студентов экономических специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / В. Н. Шимов и др. – Минск : БГЭУ, 2006. – 751 с.
- 6. Статистический бюллетень.** – Минск, 1999. – № 6. – 214 с.
- 7. Адуло Т. И.** О социальной консолидации белорусского общества: проблемы теории и практики / Т. И. Адуло // Социальная консолидация общества (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии). – М. : НИИ социальных исследований МГСУ – Минск: Институт философии НАН Беларуси, 2004. – С. 70–107.
- 8. Сорос, Дж.** О глобализации / Дж. Сорос; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – 224 с.
- 9. Адуло Т. И.** Философские основания идеологии государства: учебно-методическое пособие / Т. И. Адуло. – Минск : Право и экономика, 2011. – 210 с.
- 10. Здесь** и ниже автором использованы данные социологических исследований 1990–2000 гг., проведенных группой ученых Института социологии НАН Беларуси, опубликованные в кн.: **Бущик В. В.** Человек и общество в условиях социально-политических преобразований / В. В. Бущик. – Минск, 1999. – 263 с. Данные за 2004 г. получены Т. И. Адуло и В. В. Бущиком в результате проведенного социологического исследования, в ходе которого было опрошено по республиканской выборке 1162 респондента.
- 11. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь** (са змяненнямі і дапаўненнямі). – Мінск, 1997. – 94 с.
- 12. Маркс К.** Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1954–1974. – Т. 22. – 804 с.
- 13. Маркс К.** Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М. : Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1954–1974. – Т. 7. – 669 с.
- 14. Хрестоматия** по истории Древнего Востока: Учебное пособие: в 2 ч. – Ч. 1. – М. : Высш. школа, 1980. – 328 с.
- 15. Социально-экономическое положение Республики Беларусь.** Январь – март 2012 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/main2012_3.php. – Дата доступа: 20. 04. 2012.

Адуло Т. І. Формування ринкових економічних відносин і проблеми політичної згоди в Білорусі на рубежі ХХ – ХХІ століть

У статті дано розгорнуту характеристику масштабних соціальних перетворень у Білорусі на рубежі ХХ – ХХІ століть. Зроблено висновок про те, що в складних умовах державі вдалося їх здійснити без політичних потрясінь і з мінімальними втратами для громадян і народного господарства.

Принципова відмінність реформ у Білорусі полягала в тому, що вони проводилися зважено, поступово, з максимальним урахуванням інтересів усіх соціальних шарів населення. Держава зуміла зберегти базові галузі народногосподарського комплексу, провідні установи освіти, науки і культури.

Ключові слова: Республіка Білорусь, суспільний устрій, соціальні перетворення, ринкові економічні відносини, політична згода.

Адуло Т. И. Формирование рыночных экономических отношений и проблемы политического согласия в Беларуси на рубеже ХХ – ХХІ веков

В статье дана развёрнутая характеристика масштабных социальных преобразований в Беларуси на рубеже ХХ – ХХІ веков. Сделан вывод о том, что в сложнейших условиях государству удалось их осуществить без политических потрясений и с минимальными потерями для граждан и народного хозяйства. Принципиальное отличие реформ в Беларуси состояло в том, что они проводились взвешенно, постепенно, с максимальным учетом интересов всех социальных слоев населения. Государство сумело сохранить базовые отрасли народнохозяйственного комплекса, ведущие учреждения образования, науки и культуры.

Ключевые слова: Республика Беларусь, общественный строй, социальные преобразования, рыночные экономические отношения, политическое согласие.

Adoulo T. I. The formation of market and economic relations and problems of the political consensus in Belarus in the 20th - 21st centuries

The article provides the detailed description of the large-scale social transformations in Belarus in the 20th - 21st centuries. It is concluded that under the difficult conditions the state could realize them without political losses and with minimal losses for the citizens and economy. The characteristic feature of the reforms in Belarus was their gradual implementation, in a well-balanced manner, and also there were taken into account interests of all social groups. The state has managed to save the key sectors of national economy, leading institutions of education, science and culture.

Key words: Republic of Belarus, the social order, social changes, the market economic relations, political agreement.

Стаття надійшла до редакції 26. 04. 2012 р.
Прийнято до друку 24. 05. 2012 р.
протоколом № 10.
Рецензент – д. соц. н, професор
Кононов І. Ф.

УДК 316.323.64

Молодцов Б. И.

**ОБ ОБРАТНОМ ОБНАРУЖЕНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕАЛИЙ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**

В большой и всё более актуальной исследовательской программе, имеющей целью выявить перспективы капиталистической формы обустройства социально-экономической реальности в постсоветских странах, предметом нашего внимания является вопрос о самой способности сознания увидеть капитализм в некоей, превышающей его реалии перспективе.

О чём же говорит в свете интересующего нас вопроса опыт постсоветских стран, в особенности, России и Украины? Представляется, что прежде всего именно о травматическом состоянии сознания людей – и массового, и сознания интеллектуалов, и того, которое принято называть элитарным. Весьма показательной в этой связи является статья «Инновационное развитие: уроки постсоветской России» известного российского экономиста, д. эконом. н. А. И. Колганова. В ней речь идёт о необходимости активизации инновационного процесса в российской экономике и о том, что эта необходимость достаточно хорошо осознавалась ещё в последнее десятилетие существования советской экономической системы. Это осознание послужило одним из важнейших факторов проведения радикальных реформ, направленных на демонтаж плановой экономики и замену её рыночной. Предполагалось, что демонтаж советской плановой системы должен был привести к снятию большинства институциональных и административно-организационных барьеров на пути инноваций и технологического обновления производства. Так и произошло – эти барьеры были во многом сняты, но инновационного и технологического прорыва не последовало. Прежде всего, потому что резко изменились критерии поведения хозяйствующих субъектов на всех уровнях национальной экономики [1]. Представление об этих критериях можно почерпнуть из книги российских же экономистов А. Б. Кобякова и М. Л. Хазина «Закат империи доллара и конец Pax Americana» [2]. Так авторы отмечают, что уже к концу 90-х годов прошлого века некоторым российским экономистам стало понятно,